

and Africa from 1394 to 1427), in *Kavkaz: evropeyskie dnevniki XIII-XVIII vekov*, vol.3, Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2010, pp. 16-18.

В. А. Дмитриев**

О выделении традиционно-культурных областей Северного Кавказа и Дагестана

В статье обращается внимание на ареалы явлений традиционной культуры, выделяемых по этнографическим источникам. Эти явления, по большей части, относятся к приемам ведения хозяйства, что указывает на локальное единство принципов адаптационной деятельности. Часть явлений также принадлежит сфере соционормативной и обрядовой культуры. Совпадения ареалов явлений традиционной культуры позволяет выделить традиционно-культурные области Северо-Западного, Центрального-Большого Кавказа и Дагестана, а также общий для Северного Кавказа, Дагестана и части населения южных склонов Большого Кавказского хребта тип горской культуры.

Ключевые слова: Кавказ, Северный Кавказ, Дагестан, Большой Кавказ, народная культура, традиционно-бытовая культура, традиционно-культурные области, ареалы культурных явлений.

Выделяя регион как своеобразную область освоенного пространства, исследователи должны быть готовы как принимать эту целостность, так и быть готовым к тому, что эта целостность складывается из целостностей меньшего масштаба. В данном аспекте целесообразно принимать во внимание существование так называемых традиционно-культурных зон (областей), т. е. таких местностей, в которых на протяжении длительного времени воспроизводится локальное культурное своеобразие и соблюдается оригинальность культурных форм.

Для этнографической науки выделение традиционно-культурных зон (областей) внутри региона – относительно новая задача, позволяющая более полно представить цепочку этнических общностей от субэтнотетнос и этнических групп до суперэтнотетнос и историко-этно-

* ДМИТРИЕВ Владимир Александрович – доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории Российского этнографического музея, доцент кафедры этнографии Института истории Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: dmitriev_home@mail.ru.

графических областей; для этнополитологии такая постановка вопроса является свидетельством того, что в современных этнических процессах субъектом взаимодействия может выступать не только народ или население республик (областей, краев), входящих в крупное региональное образование, но и население тех традиционно-культурных зон, которые могут быть выделены по общим характеристикам исторического наследия, относящегося к народной традиционнo-бытовой культуре.

Традиционнo-культурные зоны проявляют себя композициями культурных элементов, которые можно назвать по методу их выделения ареальными, т. к. они действительно описывают совпадающие в едином пространстве ареалы культурных явлений [27].

В целостности, которую представляет собой Кавказ, выделяется его часть, образующая область расселения группы по языку этносов, но имеющих выраженное сходство культурных черт. Эта область охватывает все северные склоны Главного Кавказского хребта, но ее пространство распространяется на южные его склоны и в российской (российское Причерноморье) и сопредельной зарубежной (Абхазия, высокогорные пограничные районы Грузии и Азербайджана) частях горского Кавказа. В силу различных причин региональное культурное наследие горцев Большого Кавказа является фактором геополитики и истории культуры юга России, и его исследование обрело актуальность в рамках изучения традиционной культуры преимущественно народов Северного Кавказа и Дагестана. Характеризуемые ниже области не связаны ни с какими-то политическими границами, так как не обусловлены политическими причинами, они представляют только фонд давних традиций, указывая на их устойчивость в сохраняющихся пределах.

Область Большого Кавказа целиком относится к региону Северного Кавказа и Дагестана и принадлежит нескольким традиционнo-культурным ареалам. Это соотношение можно типизировать по масштабу, ареалы, охватывающие Большой Кавказ; ареалы, соответствующие Большому Кавказу; ареалы, входящие в регион Большого Кавказа.

Примером ареала, охватывающего Кавказ, как Северный, так и Южный, является область распространения молотильных досок (латинское название - трибулум). Собственно, Кавказ образует северо-восточный угол ареала распространения молотильных досок (Сре-

диземноморье и Иранское нагорье), причем без включения Абхазии, Адыгеи, Черкессии, Кабарды и равнинной Осетии.

Еще одним примером вхождения в данном случае Северокавказско-Дагестанского региона в более крупную историческую общность является существование в регионе реалий, демонстрирующих наследие прохождения на Кавказе данного евразийского маршрута и его воздействия на культуру локальных общностей. Наследие Великого Шелкового пути на этнографической карте видится кластерами: Приморский и горный Дагестан; Верхнее Прикубанье; участок высокогорья Большого Кавказа; Азово-Причерноморский узел; пространство, связанное с линией так называемой Северокавказской (Османовой) дороги между Таманью и Дербентом [8].

Ареал культурных явлений, соответствующий Северному Кавказу, выводится из признаков и определений культурных особенностей горцев. Ю. Ю. Карпов, особо обратившийся к формулированию представления о горцах, привлекал использовавшиеся данные из различных частей этой области, не определяя ее границ [14]. Область, где сложилась цивилизация горцев, следует понимать как горную часть Большого Кавказа (Западный, Центральный и Восточный Кавказ по обе стороны Главного Кавказского хребта), население которой определяется через признаки культуры горцев. Для определения континуума традиционной горской культуры используются следующие признаки:

1. Нахождение основного жилища в горной местности;
2. Сочетание в экономике двух видов земледелия, предгорного и горного (разбросанность и иррегулярность участков, заимочное семейное землепользование, высокая трудоемкость при большой эффективности агрокультуры, ограниченной малоземельем, комплексный характер агрокультуры), с различными видами отгонно-пастбищного овцеводства; отвлечение значительной части производящего населения в отходническую деятельность;
3. Специфические формы социальной организации: устойчивая разветвленная система родственных и соседских связей, восстановление родственного / патронимического коллектива (чечен. тайп, адыгск. лъэпк), поддержание общинного единства (дагестанск. джамаат, адыг. псыхуэ), строгая система поло-возрастных отношений и гендерных качеств;
4. Наличие элементов социального взаимоотношения, выводимых как специфические качества поведения горцев (гостеприимство,

куначество, атальчество, культ старшего мужчины, военнизированность культуры и социальных ролей, двойственность положения женщины как хозяйки и фигуры сниженного социального статуса, маскулинизация девичества);

5. Специфические формы социализации пространства: ограниченность внутреннего (до усадьбы и далее до зоны, связанной с очагом и главным очажным столбом), расширение внешнего пространства культуры (до беспредельности) с соотношением внутреннего пространства с женскими видами деятельности, а внешнего с мужскими; внутреннее пространство существует в закрытом режиме, внешнее в режиме постоянного реосвоения;

6. Набеговая система, результирующая установки деятельности мужчин во внешнем пространстве, в общей военнизированнойности быта, хозяйственной деятельности в условиях ограниченности ресурсов, при движении товаров в экономике натурального хозяйства, санкционировании насилия от семиотически верхних групп к нижним;

7. Лектонизм общественного поведения, т. е. стремление демонстрировать перед сообществом соблюдение правил этнического этоса [31].

8. Распространение нартского эпоса [29].

Сходным образом происходит выделение северокавказского типа культуры [22] [622] [32], имеющей также понимание как части южнорусского цивилизационного поля [31].

Интерес к ареальным исследованиям был свойственен советской этнографической науке. В 1970-80-х гг. был подготовлен ряд исследований, показывающих, как в пространстве Северного Кавказа локализуются типы, подтипы и варианты категорий материальной культуры. В конечном итоге дистрибуция предметов культуры не была доведена до образования ареалов, выделенные таксоны категорий культуры были показаны на картосхемах и относительно полно описаны в текстах публикаций, создавая представление о характере их распространения [1345] [1454] [154] [24]. Это была практика построения единичных ареалов внутри одной категории признаков, что указывало только на дистрибуцию признака.

Совпадение единичных ареалов, принадлежащих разным категориям признаков, позволяют говорить о связи с регионом Северного Кавказа-Дагестана трех традиционно-культурных зон: большой ча-

сти Западного Кавказа, Центрального-Большого Кавказа и Дагестана, вычлененного из Восточного Кавказа.

Западный Кавказ является отделом Большого Кавказа в его северной части от Тамани до Приэльбрусья вместе с прилегающей частью Черноморского побережья и перевальными путями от водосбора Кубани к соответствующим рекам южных склонов Кавказа, далее он включает отроги Главного Кавказского хребта (ГВХ), вплоть до Сурамского, доходящего на юге до Месхет-Джавахетского хребта, являющегося уже частью так называемого Малого Кавказа; таким образом, в этот регион входит долина р. Риони вместе с ее низменной частью, называемой Колхидой, и часть горной Аджарии.[3, с. 9]. Полностью Западный Кавказ перекрывается ареалом расселения понтийского антропологического типа адыгские этносы, абхазы, западно-грузинские этнические и субэтнические группы). Вторая система ареалов, формирующая региональное единство Западного Кавказа выделена на противопоставлении западно-кавказских и восточно-кавказских черт в масштабе всей Кавказской горной страны и показывает, согласно концепции А. И. Робакидзе, сосуществование следующих культурных элементов:

1. Использование ила для удобрения земли при сезонных разливах реки Риони;
2. Применение легкого плуга, запряженного одной парой;
3. Выращивание в качестве главной зерновой культуры проса и наличие специальных инструментов и утвари для обработки приготовления проса;
4. Использование легкой повозки, нетипичной для востока Кавказа;
5. Наличие маленькой мельницы с одним жерновом в отличие от принятой на востоке большой мельницы с несколькими жерновами;
6. Выращивание винограда с «высокой» лозой;
7. Употребление в пищу просяной пасты;
8. Более интенсивное по сравнению с Восточной Грузией употребление в пищу медовых напитков.
9. Использование в пище свиного мяса и сала [22, с. 19-21].

Из региона Западного Кавказа выделяется его часть, принадлежащая системе Большого Кавказа. Географически это Славянские (название не является вполне исторически корректным) и Карачаево-Абхазские

горы, очевидно, с особым положением карачаевской части последнего участка [3, с. 9] как буфера между Западным и Центральным Большим Кавказом. Данное пространство, обычно называемое Северо-Западным Кавказом, соответствует этнической территории адыго-абхазской общности, но присущие ее ареалы культурных явлений в разной степени распространяются и по территории Западного Кавказа.

Мы полагаем, что выделяются следующие культурные явления хозяйственно-культурного и культурно-мировоззренческого характера:

1. Использование лесистых склонов Северо-Западного Кавказа в Прикубани, Черноморье и Абхазии с эксплуатацией в последней альпийской зоны;

2. Пашенно-мотыжное земледелие в горно-лесистых районах и использование ирригационного удобрения земель на Рионской равнине и в Аджарских горах;

3. Применение повсеместно легкого плуга, использование легких аров с сочетанием в их движении принципов качения и скольжения;

4. Выращивание проса как основного злака и основного продукта питания;

5. Выращивание винограда способом «высокой лозы», обязательное купаживание виноградного суслу;

6. Наличие в скотоводстве разведения коз и свободного выпаса свиней в летнее время (или следов свиноводства);

7. Изготовление масла из свежего молока и употребление в пищу свежего масла, равное сочетание масло - и сыроделания;

8. «Горячее» приготовление сыра;

9. Значительная роль пчеловодства и употребление напитков на основе меда;

10. Преобладание в горных районах размещения поселений по верхней части речной долины;

11. Распространение плетеного, турлучного или деревянного (из досок) жилища со скатной крышей;

12. Присутствие кричной металлургии, углежогных ям и «лесных» кузниц;

13. Распространение культа кузницы и кузнеца;

14. Распространение культа молнии и почитания каменных куч;

15. Наличие культа быка и особо ареала фольклорного сюжета «самошествующей коровы».

В дополнение к теме можно отметить соответствие в прошлом большей части ареала отмеченных признаков ареалу одной из древних археологических культур Северо-Западного Кавказа – дольменной культуры эпохи ранней бронзы [9].

Выделение ареальной общности Центрального Большого Кавказа целесообразно начать с сопоставления ее ареала с ареалами археологических культур древности и Средневековья, представляя это пространство как северные и южные склоны Главного Кавказского хребта от верховьев Кубани до перехода Ингушко-Хевсуретских гор в Дагестанские [3, с. 9-13]. Данный участок сопоставляется с ареалом кобанской культуры эпохи поздней бронзы, в которой видится местный компонент этногенеза карачаевцев, балкарцев, осетин, ингушей, чеченцев и, возможно, части предков аварско-андо-дидойской общности, и этнических групп горной Северо-Восточной Грузии [14, с. 445-452] [19] [20] [21] [22] [28 обл.].

Отмечено не только общее совпадение ареалов, но и локальные соответствия субареалов кобанской культуры современным этническим территориям: западного – карачаево-балкарцев, центральный – осетин, восточный – вайнахских народов [19] [20]. Отмечается общность ареала кобанской археологической культуры и области распространения сюжетов нартского эпоса, хотя она захватывает и Западный Кавказ. Еще более значимым оказывается совпадение ареала Центрального Большого Кавказа с ареалом распространения кавкасионского антропологического типа, представляющего аборигенную линию развития физических признаков большой популяции населения центральной части гор Большого Кавказа и расширившейся за ее пределы. Вопрос о выделении центрально-кавказской историко-этнографической области был, по комплексу источников, давно, чему причиной были результаты антропологических исследований [1].

В раннем средневековье ареал кобанской культуры воспроизводится в его северокавказской части в области распространения аланских катакомбных могил [23] и почти в полной мере в позднем средневековье в ареале строительства башенных и склеповых конструкций [4, с. 37] [5, с. 21-25] [7, с. 53] [15, с. 182-189] [21, с. 15-16] [22] [26, с. 266-267] [30]. Примечательно, что и аланские склепы, и башенные конструкции глубоко проникают на территорию Дагестана.

Своеобразие Центрального-Большого Кавказа находит свое подтверждение в фактах традиционно-бытовой культуры, общих для

всего его населения и выделяемых по этнографическим источникам. В первую очередь, следует выделить характеристики горного земледелия, сложившиеся в данном ареале:

1. Малоземелье и высокая ценность земли;
2. Удаленность наделов от поселения, в том числе и по вертикали;
3. Отсутствие единого поля угодий, разбросанность участков, иррегулярность параметров участков;
4. Потребность в ежегодной очистке земли от камней (на Западном Кавказе от мелколесья);
5. Склоновое террасирование (на Западном Кавказе прирусловое) пахотных земель;
6. Освоение малых пятен земельных угодий;
7. Отсутствие представления об измерении площади;
8. Практика искусственного создания почвы;
9. Мощное удобрение;
10. Искусственное орошение ручейкового типа;
11. Плодосменная система землепользования;
12. Сочетание пашенного земледелия (использование легкого плуга) с мотыжным, которое создавало условия для привлечения к полевым работам женщин;
13. Посемейно-наследственное пользование землей на основе трудового владения;
14. Недостаток собственного продукта и потребность в обменных отношениях для удовлетворения пищевых потребностей;
15. Малоземелье и необходимость обмена с целью добычи необходимого пищевого продукта можно рассмотреть вкупе с наличием избыточного населения, можно предположительно рассматривать как предпосылки появления отходничества и набеговой системы.

Наблюдаются и другие элементы культурной общности:

1. Доминанта ячменя среди злаковых культур;
2. Применение молотильных досок;
3. Выпечная на противне хлебная лепешка в качестве основы повседневного питания;
4. Устойчивое отгонно-пастбищное овцеводство;
5. Использование сычужных заквасок в сыроделании, перетапливание масла;

6. Сохранение роли охоты как промыслового занятия и соответственно охотничьих культов;

7. Использование ячменного зерна в метрологии малых мер длины и веса;

8. Доминанта плоскокровельного типа каменного этажного дома с развитием из него башенной архитектуры;

9. Своеобразие костюма: ослабление нормативности комплекса с черкесской (распашным платьем в женской одежде), проявление на фоне доминанты комплекса с черкесской / распашным платьем локальных комплексов – на основе каптала-архалуха в центральной части ареала, на основе рубахи в восточной части; использование мужчинами специальной обуви с плетеными подошвами для хождения по горам.

Выделение Дагестанской общности и определение ее ареала не представляет вопроса большой оригинальности, так как она уже получила в этнографии статус историко-этнографической области (ИЭО) [10, с. 416]. Важным историографическим фактом является подразделение фонда культуры народов Дагестана по комплексным хозяйственно-культурным типам, привязанным к трем ландшафтными зонам: равнине, среднегорью и высокогорью, кочевое хозяйство ногайцев было вынесено за пределы хозяйственно-культурных типов Дагестанской ИЭО [11, с. 50-54].

Принимая во внимание признанную специфику Дагестанской ИЭО и видя своей основной задачей ее базовые традиционно-культурные характеристики, в первую очередь, в целях разграничения Центрально-дагестанской горной зоны с регионом Центрального Большого Кавказа, считаем возможным предложить в предварительном видении следующие характеристики:

1. Выделение в Кавказской горной стране дагестанского подразделения [3, с. 13];

2. Признание самостоятельной природы культуры Южного Дагестана, руководствуясь сходством элементов культуры народов Южного Дагестана с культурой народов лежащего южнее Азербайджана, в частности, по конструкции и элементам женского костюма (цветовая гамма ткани, распашная конструкция верхней плечевой одежды и многослойность одежды, стиль ювелирных украшений, форма пояса) с тем, чтобы сосредоточить внимание на культуре центрально-дагестанского среднегорья и высокогорья;

3. Признание признаком мужской и женской одежды в центрально-дагестанской зоне, противопоставляющим его комплексам одежды северокавказского типа, комплекс из рубахи (у женщин платья-рубахи) и штанов; ношение поверх рубахи шуб обеими полами; использование шуб свободного кроя с шалеобразным воротником и ложными рукавами стариками и старухами; присутствие в женском костюме большого числа монет и серебряных украшений, как в головном уборе, так и на платье-рубашке; ношение женщинами височных колец; оставление женщинами видимой нижней части штанин, как и украшение их вышивкой [23];

4. Использование в высокогорье вертикальной зональности для эффективного выращивания фруктовых культур и особенно абрикосов;

5. Разведение как тягловых животных ослов и муловодство;

6. Использование в метрологии малых единиц размера и веса горошины (в противопоставление ячменному зерну на Центральном Большом Кавказе);

7. Ношение для передвижения в горах шерстяной обуви (в противопоставление обуви с плетеной подошвой на Центральном Большом Кавказе);

8. Наличие сети селитьбы из основного поселения и временного отселка-кутана;

9. Особое развитие отходничества;

10. Генеральным признаком является превращение нагорного Дагестана в набор большого числа специализированных ремесленных центров по производству изделий большой художественной ценности с дальними областями сбыта; данный признак более других образует этнокультурную специфику Дагестана.

Все выделенные культурные ареалы имеют традиционную природу, однако их существование было признано в политической практике царской России с разделением управления народами Северного Кавказа и Дагестана на три области – Кубанскую, Терскую и Дагестанскую. Этому же принципу следовали власти и в раннесоветский период 1920- начала 1930 гг.

Этнокультурное районирование регионов и областей опирается на этнографические факты, т.е. явления давнего происхождения, использование которых в современной общественной практике имеет избирательный характер. Это предполагает внимание к максимально

сложной модели регионального взаимодействия, в которой должны быть учтены все возможные нюансы.

Использованная литература:

1. Алексеев В. П. Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта // Антропологический сборник / Отв. ред. Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин. М.: Наука, 1963. Вып. 4. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер.; Т. 82). С. 28-64.
2. Аникеев А. А. Концепция северокавказской цивилизации как современная парадигма кавказоведения // Научная мысль Кавказа, 2000. №2. С. 25-28.
3. Анохин Г. И. Восточный Кавказ. М.: Физкультура и спорт, 1978.
4. Батчаев В. М. Балкария в XV-XIX вв. М.: Ин-т археологии Кавказа, 2006.
5. Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX-XX вв.: традиции и инновации. М.: Наука, 1982.
6. Дамения О. Н. Кавказская культурная общность: миф или реальность? // Научная мысль Кавказа. 2002. №1. С. 45-56.
7. Джандиери М. И., Лежава Г. И. Архитектура горных районов Грузии. М.: Гос. архит. изд. Акад. архит. СССР, 1940.
8. Дмитриев В. А. Кавказские трассы Великого шелкового пути // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: материалы Междунар. науч.-практ. конфер. (Ставрополь 28–29 сент. 2015 г.). Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2016.
9. Дольмены современники древних цивилизаций. / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 2001.
10. Зверева Ю. И. Народы Северного Кавказа // Этнология: уч. пос. / Под ред. Е. В. Миськовой, Н. Л. Мехедова, В. В. Пименова. М.: Академический проект; Культура, 2005.
11. Искендеров Г. А., Османов М. О. Хозяйство // Народы Дагестана / Отв. ред. С. А. Арутюнов, А. И. Османов, Г. А. Сергеева. М.: Наука, 2002. С. 50-65.
12. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до середины XVIII в. / отв. ред. Б. Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988.
13. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981.
14. Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1993.
15. Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М.: Наука, 1982.

16. Козенкова В. И. Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 252-268.

17. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Наука, 1996.

18. Крупнов Е. И. О происхождении и датировке кобанской культуры // Советская археология. 1957. № 1. С. 55-83.

19. Крупнов Е. И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // Советская археология. 1964. № 1. С. 26-43.

20. Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-VIII вв // Советская археология. 1976. № 1 С. 60-74.

21. Мизиев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII-XVIII вв.). Нальчик: Эльбрус, 1970.

22. Робакидзе А. И. Сванети. Тбилиси: Мацниереба, 1984.

23. Сергеева Г. А. Об одежде аварской группы народов Дагестана // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX –XX вв. Вып. 1. М.: Наука, 1971. С. 224-240.

24. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М.: Наука, 1989.

25. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М.: Наука, 1977.

26. Тменов В. Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1984.

27. Проблемы типологии в этнографии / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1979.

28. Тхагапсоев Х. Г. Лектонический тип коммуникаций и проблема цивилизационной идентификации Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2001. №4. С. 43-56.

29. Тхагапсоев Х. Г. Нартский эпос как феномен диалога культур // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 146-154.

30. Чахкиев Д. Ю. Средневековые мастера-строители // Ингуши. Серия «Народы и культуры». М.: Наука, 2013. С. 176-182.

31. Черноус В. В. Генезис кавказской горской цивилизации // De die in diem. Памяти А. П. Пронштейна. (1919-1998). Ростов н/Д.: Изд-во Северо-Кавказского науч. центра высшей школы, 2004. С. 306-328.

32. Шадже А. Ю. Феномен кавказской идентичности // Очерки кавказской культуры. Майкоп: Изд-во Адыг. гос. ун-та, 2001. С. 128-145.

Vladimir A. DMITRIEV

Dr. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology),
Researcher of General Category, Russian Ethnographic Museum;
Assoc. Prof., Ethnography Department,
Institute of History, Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

**On the Distinguishing of the Traditional Cultural Areas
of the North Caucasus and Dagestan**

The article draws attention to areas of the phenomena of the traditional culture, allocated by the ethnographic sources. These phenomena are for the most part relate to methods of farming, which indicates an local unity of the principles of an adaptative activity. Part of the phenomena also belongs to the sphere of a sacionormative and ritual culture. The coincidence of the areas of the phenomena of traditional culture makes it possible to distinguish the traditional cultural regions of the North-Western, Central-Greater Caucasus and Dagestan, as well as the type of the highlander culture typical for the North Caucasus, Dagestan, and a part of the population of the southern slopes of the Greater Caucasus Range.

Keywords: *Caucasus, North Caucasus, Dagestan, The Great Caucasu, folk culture, traditional everyday culture, traditional and cultural areas, areas of cultural phenomena.*

References:

1. Alekseev, V. P., Antropologicheskie dannye k probleme proiskhozhdeniya naseleniya tsentral'nykh predgoriy Kavkazskogo khrebta (The Anthropological Data to the Problem of an Origin of the Population of the Central Foothills of the Caucasian Ridge), in *Antropologicheskii sbornik*, vol. 4, (Proc. Institute for Ethnography AS USSR, New Series, vol. 82), Moscow: Nauka, 1963, pp. 28-64.
2. Anikeev, A. A., Kontseptsiya severokavkazskoy tsivilizatsii kak sovremennaya paradigma kavkazovedeniya (The Concept of the North Caucasian Civilization as a Modern Paradigm of the Caucasus), *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2000, no. 2, pp. 25-28.
3. Anokhin, G. I., *Vostochnyy Kavkaz* (The East Caucasus), Moscow: Fizkul'tura i sport, 1978.
4. Batchaev, V. M., *Balkariya v XV-XIX vekakh* (Balkaria in the 15th-19th Centuries), Moscow: Institut arkheologii Kavkaza, 2006.
5. Volkova, N. G. and Dzhevakhishvili, G. N., *Bytovaya kul'tura Gruzii XIX-XX vekakh: traditsii i innovatsii* (The Everyday Culture of Georgia of the 19th-20th Centuries: Traditions and Innovations), Moscow: Nauka, 1982.

6. Damenia, O. N., Kavkazskaya kul'turnaya obshchnost': mif ili real'nost'? (The Caucasian Cultural Community: a Myth or a Reality?), *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2002, no. 1, p. 45-56.

7. Dzhandieri, M. I. and Lezhava, G. I., *Arkhitektura gornyykh rayonov Gruzii* (Architecture of the Mountain Regions of Georgia), Moscow: Gosudarstvennoe arkhitekturnoe izdatel'stvo Akademii arkhitektury SSSR, 1940.

8. Dmitriev, V. A., Kavkazskie trassy Velikogo shelkovogo puti (The Caucasian Routes of the Great Silk Road), in *Istoriko-kul'turnoe nasledie Velikogo shelkovogo puti i prodvizhenie turistskikh destinatsiy na Severnom Kavkaze: Materials of Int. Sci. Pract. Conf., (September 28-29, 2015, Stavropol)*, Stavropol: Stavropol'skiy gosudarstvennyy universitet, 2016.

9. *Dol'meny sovremenniki drevnykh tsivilizatsiy* (Dolmens, the Contemporaries of the Ancient Civilizations), Piotrovskiy, Yu. Yu., Ed., Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2001.

10. Zvereva, Yu. I., Narody Severnogo Kavkaza (The Peoples of the North Caucasus), in *Etnologiya: Training Manual*, Mis'kova, E. V., Mekhedov, N. L. and Pimenov, V. V., Eds., Moscow: Akademicheskii proekt; Kul'tura, 2005.

11. Iskenderov, G. A. and Osmanov, M. O., Khozyaystvo (The Economy), in *Narody Dagestana*, Arutyunov, S. A., Osmanov, A. I. and Sergeeva, G. A., Eds., Moscow: Nauka, 2002, pp. 50-65.

12. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneyshikh vremen do sereдины XVIII veka* (History of the Peoples of the North Caucasus from the Ancient Times to the Middle of the 18th Century), Piotrovskiy, B. B., Ed., Moscow: Nauka, 1988.

13. Kaloev, B. A., Zemledelie narodov Severnogo Kavkaza (Agriculture of the peoples of the North Caucasus), M.: Nauka, 1981.

14. Kaloev, B. A., *Skotovodstvo narodov Severnogo Kavkaza* (Animal Husbandry of the Peoples of the North Caucasus), Moscow: Nauka, 1993.

15. Kobychiev, V. P., Poseleniya i zhilishche narodov Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekakh (Settlements and Dwelling of the Peoples of the North Caucasus in the 19th – 20th Centuries), Moscow: Nauka, 1982.

16. Kozenkova, V. I., Kobanskaya kul'tura Kavkaza (Koban Culture of the Caucasus), in *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya*, Moscow: Nauka, 1989, pp. 252-268.

17. Kozenkova, V. I., *Kul'turno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdney bronzy i v rannem zheleznom veke (uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoy kul'tury)* (Cultural-Historical Processes in the Northern Caucasus in the Late Bronze Age and in the Early Iron Age (the Nodal Problems of Origin and Development of the Koban Culture)), Moscow: Nauka, 1996.

18. Krupnov, E. I., O proiskhozhdenii i datirovke kobanskoj kul'tury (On the Origin and Dating of the Koban Culture), in *Sovetskaya arkheologiya*, 1957, no. 1, pp. 55-83.

19. Krupnov, E. I. Drevneyshaya kul'tura Kavkaza i kavkazskaya etnicheskaya obshchnost' (k probleme proiskhozhdeniya korennykh narodov Kavkaza) (The Oldest Culture of the Caucasus and the Caucasian Ethnic Community (to the Problem of the Origin of the Indigenous Peoples of the Caucasus)), in *Sovetskaya arkheologiya*, 1964, no. 1, pp. 26-43.

20. Kuznetsov, V. A., Alanskaya kul'tura Tsentral'nogo Kavkaza i ee lokal'nye varianty v V-VIII vekakh (The Alan Culture of the Central Caucasus and Its Local Variants in the 7th – 8th Centuries), *Sovetskaya arkheologiya*, 1976, no. 1, pp. 60-74.

21. Miziev, I. M., Srednevekovye bashni i sklepy Balkarii i Karachaya (XIII-XVIII veka) (The Medieval Towers and Crypts of Balkaria and Karachai (13th – 18th Centuries)), Nalchik: El'brus, 1970.

22. Robakidze, A. I., *Svaneti* (Svanety), Tbilisi: Matsniereba, 1984.

23. Sergeeva, G. A., Ob odezhde avarskoj grupy narodov Dagestana (About Clothes of the Avar Group of Peoples of Dagestan), in *Khozyaystvo i material'naya kul'tura narodov Kavkaza v XIX-XX vekakh*, vol. 1, Moscow: Nauka, 1971, pp. 224-240.

24. Studenetskaya, E. N., *Odezhda narodov Severnogo Kavkaza XVIII-XX vekakh* (Clothes of the Peoples of the North Caucasus of the 18th – 20th Centuries), Moscow: Nauka, 1989.

25. Tekhov, B. V., *Tsentral'nyy Kavkaz v XVI-X vekakh do novoy ery* (The Central Caucasus in the 16th – 10th Centuries BC), Moscow: Nauka, 1977.

26. Tmenov, V. Kh., *Srednevekovye istoriko-arkhitekturnye pamyatniki Severnoy Osetii* (The Medieval Historical Architectural Monuments of North Ossetia), Ordzhonikidze: Ir, 1984.

27. *Problemy tipologii v etnografii* (The Problems of Typology in Ethnography), Bromley, Yu.V., Moscow: Nauka, 1979.

28. Tkhangapsoev, Kh. G., *Lektonicheskiy tip kommunikatsiy i problema tsivilizatsionnoy identifikatsii Kavkaza* (A Lectonic Type of Communications and the Problem of Civilizational Identification of the Caucasus), *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2001, no. 4, pp. 43-56.

29. Tkhangapsoev, Kh. G. *Nartskiy epos kak fenomen dialoga kul'tur* (Nart Saga as a Phenomenon of a Dialogue of Cultures), *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 1999, no. 3, pp. 146-154.

30. Chakhkiev, D. Yu., Srednevekovye mastera-stroiteli (Medieval Master Builders), *Ingushi* ("Narody i kul'tury" Series), Moscow: Nauka, 2013, p. 176-182.

31. Chernous, V. V., *Genezis kavkazskoy gorskoj tsivilizatsii* (Genesis of the Caucasus Mountain Civilization), *De die in diem. Pamyati A. P. Pronshyteyna*.

(1919-1998), Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshey shkoly, 2004, pp. 306-328.

32. Shadzhe, A. Yu., Fenomen kavkazskoy identichnosti (Phenomenon of the Caucasian Identity), *Ocherki kavkazskoy kul'tury*, Maykop: Izdatel'stvo Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001, pp. 128-145.

М. Л. Ханмагомедов*

А. Н. Гебекова**

**Тюркский топонимический ландшафт
Северного Кавказа вне ареалов расселения
тюркоязычных народов
как историко-географическая реальность**

Авторами рассматривается тюркский топонимический ландшафт в регионах Северного Кавказа (в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Северной Осетии-Алании, Абазинии (Карачаево-Черкесия), Адыгее, Краснодарском крае). Возникновение и функционирование тюркского топонимического ландшафта вне ареалов расселения тюркоязычных народов на Северном Кавказе – результат контактов тюркоязычных народов в указанных регионах с нахско-дагестанскими и адыгскими этносами. В этих регионах тюркские топонимы выступают в качестве одной из составляющих топонимического спектра.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Дагестан, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия – Алания, Абазиния, Адыгея, Краснодарский край, тюркские топонимы, топонимический ландшафт.

Как пишет В. Х. Унатлова, «характер, направление, степень интенсивности процессов взаимовлияния контактирующих народов находят отражение в развитии взаимодействующих языков. Надъязыко-

* **ХАНМАГОМЕДОВ Ханмагомед Лязимович** – доктор географических наук, профессор кафедры физической географии и геоэкологии Дагестанского государственного педагогического университета Махачкала, Россия. Электронная почта: tberikay@mail.ru.

** **ГЕБЕКОВА Аджабике Набиевна** – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики и дошкольной психологии, Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия. Электронная почта: tberikay@mail.ru.